

Обзорная статья

УДК 340

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-3-272-289>

**ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ
«ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНФЛИКТОЛОГИЯ: ПРОБЛЕМЫ
И ПЕРСПЕКТИВЫ»: ОБЗОР ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ
(ВСЕРОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЮСТИЦИИ (РПА МИНЮСТА РОССИИ), 18 ЯНВАРЯ 2024 Г.).
ЧАСТЬ 1**

Александр Валентинович Аверин¹

Владислав Валерьевич Денисенко²

Алексей Викторович Зырянов³

Александр Валерьевич Краснов⁴

Александр Валерьевич Логинов⁵

Галина Алексеевна Прокопович^{6,7}

Георгий Борисович Романовский⁸

Владимир Юрьевич Самородов⁹

Андрей Валерьевич Скоробогатов¹⁰

Василий Владиславович Трофимов¹¹

Татьяна Викторовна Худойкина¹²

¹ Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 600017, Россия, г. Владимир, ул. Горького, д. 59а

² Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, 119454, Россия, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 76

³ Южно-Уральский государственный университет, 454080, Россия, г. Челябинск, пр-т Ленина, д. 76

⁴ Казанский филиал Российского государственного университета правосудия, 420088, Россия, г. Казань, 2-я Азинская ул., д. 7А

⁵ Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), 430003, Россия, г. Саранск, ул. Федосеенко, д. 6

⁶ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 119571, Россия, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 82, стр. 1

⁷ Московский психолого-социальный университет, 115191, Россия, г. Москва, 4-й Рощинский проезд, д. 9а

⁸ Пензенский государственный университет, 440026, Россия, г. Пенза, ул. Красная, д. 40

^{9,11} Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, 392000, Россия, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33

¹⁰ Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова, 420111, Россия, г. Казань, ул. Московская, д. 42

¹² Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, 430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68

¹ avaverin@mail.ru

² v.denisenko@odin.mgimo.ru

³ zav-nauka@mail.ru

⁴ field08@mail.ru

⁵ Loginov77@rambler.ru

^{6,7} galina-prokopovich@yandex.ru

⁸ vlad93@sura.ru

⁹ Vova.Samorodov@yandex.ru

¹⁰ av.skorobogatov@mail.ru

¹¹ iptgutv@mail.ru

¹² thudoykina@mail.ru

Аннотация

18 января 2024 г. во Всероссийском государственном университете юстиции (РПА Минюста России) состоялся Всероссийский научно-практический круглый стол «Юридическая конфликтология: проблемы и перспективы». В пленарном заседании выступили ведущие российские ученые-юристы, которые сформулировали выводы о юридическом конфликте как феномене правовой реальности, юридической конфликтологии как научном направлении, алеаторных процедурах как средстве разрешения юридических конфликтов, конфликтологическом значении Карибского кризиса, стратегии и тактике ведения переговоров, конфликте интересов государственных и муниципальных служащих, сотворчестве публичной власти и общества в области правотворческой деятельности как способе минимизации конфликтов в социально-правовой жизни.

Ключевые слова: юридическая конфликтология; юридический конфликт; правовая коллизия; принцип делиберативности; алеаторная демократия; легитим-

ность права; Карибский кризис; переговоры; реестровая ошибка; конфликт интересов; государственная и муниципальная служба; правотворчество; сотворчество.

Для цитирования: *Аверин А. В., Денисенко В. В., Зырянов А. В., Краснов А. В., Логинов А. В., Прокопович Г. А., Романовский Г. Б., Самородов В. Ю., Скоробогатов А. В., Трофимов В. В., Худойкина Т. В.* Всероссийский научно-практический круглый стол «Юридическая конфликтология: проблемы и перспективы»: обзор пленарного заседания (Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 18 января 2024 г.). Часть 1 // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 3. С. 272–289. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-3-272-289>

Review article

ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC AND PRACTICAL ROUND TABLE “LEGAL CONFLICTOLOGY: PROBLEMS AND PROSPECTS”: REVIEW OF THE PLENARY SESSION (ALL-RUSSIAN STATE UNIVERSITY OF JUSTICE, 18 JANUARY 2024). PART 1

Alexander V. Averin¹

Vladislav V. Denisenko²

Alexey V. Zyryanov³

Alexander V. Krasnov⁴

Alexander V. Loginov⁵

Galina A. Prokopovich^{6,7}

Georgy B. Romanovsky⁸

Vladimir Yu. Samorodov⁹

Andrey V. Skorobogatov¹⁰

Vasily V. Trofimov¹¹

Tatyana V. Khudoikina¹²

¹ Vladimir Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, 59a Gorkii St., Vladimir, 600017, Russia

² Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, 76 Vernadskii Ave., Moscow, 119454, Russia

³ South Ural State University, 76 Lenin Ave., Chelyabinsk, 454080, Russia

⁴ Kazan Branch of Russian State University of Justice, 7A 2nd Azinskaia St., Kazan, 420088, Russia

⁵ Middle Volga Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice,
6 Fedoseenko St., Saransk, 430003, Russia

⁶ Russian Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation, 82, Bldg. 1 Vernadskii Ave.,
Moscow, 119571, Russia

⁷ Moscow Psychological and Social University, 9a 4th Roshchinskii Aly.,
Moscow, 115191, Russia

⁸ Penza State University, 40 Red St., Penza, 440026, Russia

^{9,11} Tambov State University named after G. R. Derzhavin, 33 Internatsionalnaia St.,
Tambov, 392000, Russia

¹⁰ Kazan Innovation University named after V. G. Timirasov, 42 Moskovskaia St.,
Kazan, 420111, Russia

¹² National Research Mordovian State University named after N. P. Ogarev,
68 Bolshevistskaia St., Saransk, 430005, Russia

¹ avaverin@mail.ru

² v.denisenko@odin.mgimo.ru

³ zav-nauka@mail.ru

⁴ field08@mail.ru

⁵ Loginov77@rambler.ru

^{6,7} galina-prokopovich@yandex.ru

⁸ vlad93@sura.ru

⁹ Vova.Samorodov@yandex.ru

¹⁰ av.skorobogatov@mail.ru

¹¹ iptgutv@mail.ru

¹² thudoykina@mail.ru

Abstract

On 18 January 2024, the All-Russian scientific and practical round table “Legal Conflictology: Problems and Prospects” was held at the All-Russian State University of Justice. Leading Russian legal scholars spoke at the plenary session and formulated conclusions about legal conflict as a phenomenon of legal reality, legal conflictology as a scientific direction, aleatory procedures as a means of resolving legal conflicts, the conflictological significance of the Caribbean crisis, negotiation strategies and tactics, conflicts of interests of state and municipal employees, co-creation of public authorities and society in the field of lawmaking as a way to minimize conflicts in social and legal life, social reflection as a way to resolve conflicts.

Keywords: legal conflictology; legal conflict; legal conflict; deliberative principle; aleatory democracy; legitimacy of law; Caribbean crisis; negotiations; registry error; conflict of interest; state and municipal service; lawmaking; co-creation.

For citation: Averin A. V., Denisenko V. V., Zyryanov A. V., Krasnov A. V., Loginov A. V., Prokopovich G. A., Romanovsky G. B., Samorodov V. Yu., Skorobogatov A. V., Trofimov V. V., Khudoikina T. V. All-Russian Scientific and Practical Round Table "Legal Conflictology: Problems and Prospects": Review of the Plenary Session (All-Russian State University of Justice, 18 January 2024). Part 1. *Herald of the Russian Law Academy*, 2024, no. 3, pp. 272–289. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-3-272-289>

Открывая пленарное заседание Всероссийского научно-практического круглого стола «Юридическая конфликтология: проблемы и перспективы», **А. В. Аверин** отметил, что главная цель юридической конфликтологии заключается в поиске наилучшего решения для всех сторон конфликта, юридическая конфликтология занимается разработкой стратегий улучшения коммуникации между сторонами, помогает студентам и профессионалам в области права развивать навыки эффективного взаимодействия.

Юридическая конфликтология является междисциплинарным научным направлением (наукой, дисциплиной), которое, невзирая на всю свою важность, в настоящее время сопряжено с рядом серьезных проблем. В основном, они вызваны тем, что долгое время в СССР главенствовала теория «бесконфликтности», по замыслу которой в социалистическом обществе не было каких-либо конфликтов. И хотя совершенно очевидно, что противоречия и столкновения всегда были и будут во всех сферах общественной жизни, в том числе и в правовой, но их научного осмысления, равно как и фиксации их проявлений, до недавнего времени фактически не было. В особенности пробелы существования данной теории проявились после развала СССР, когда Россию как новое государство буквально захлестнула волна межнациональных, региональных, государственно-правовых и иных конфликтов. В связи с тем, что долгое время данной науке не уделялось должного внимания, сегодня в области конфликтологии приходится иметь дело с довольно-таки противоречивой теоретической и эмпирической базой, что существенно усложняет как преподавание конфликтологии, так и самостоятельное изучение материала, посвященного этой сфере [1]. В частности, в настоящее время юридическая конфликтология характеризуется определенной степенью сумбурности, неразработанностью понятийного аппарата и отсутствием учебной литературы. Объяснить подобное положение дел можно несколькими факторами, в том числе и общими для всей этой науки («молодость» конфликтологии в России), и частными, касающимися исключительно юридической конфликтологии. К последним можно отнести то, что подавляющая часть современных российских конфликтологов являются социологами, среди которых также попадаются экономисты. Количество юристов (и практиков, и теоретиков, и даже просто людей, имеющих юридическое образование) среди них ничтожно мало. Следовательно, и интерес к вопросам юридической конфликтологии также невелик. В связи с этим достаточно лишь сказать, что с начала 1990-х гг. в России вышло всего несколько учебников по юридической конфликтологии. Последствия такого положения противоречивы. С одной стороны, неимение четких канонических, определений дает возможность студентам формулировать и обосновывать

собственные дефиниции, что помогает в развитии аналитических навыков, внимательном отношении к формулировкам, что крайне полезно. С другой стороны, размытость большинства имеющихся понятий, использование различными авторами одних и тех же терминов в разных, зачастую даже не взаимозаменяемых значениях приводит к путанице и плохому усвоению положений данной науки.

Дополнительную трудность создает и масштаб изучения юридической конфликтологии. Имеется в виду, что сегодня юридическая конфликтология – это чаще всего спецкурс. Иными словами, объем часов, отводимых на эту дисциплину, редко превышает 28–30 аудиторных часов. По факту это означает, что при огромных объемах информации преподаватель располагает всего семью-восемью лекционными занятиями. А это, безусловно, значительно усложняет реализацию практического и воспитательного потенциала данной дисциплины.

В. В. Денисенко посвятил свое выступление теме «Алеаторные процедуры как средство разрешения юридических конфликтов». Он отметил, что для разрешения юридических конфликтов в современном информационном государстве ключевым инструментом является принцип делиберативности. Важнейшими процедурами в рамках реализации указанного принципа являются алеаторные процедуры, основанные на участии случайно выбранных граждан путем жребия.

В современный период информационного общества актуализируются вопросы разрешения ценностных конфликтов в сфере правового регулирования. Закрепление в законе новых сфер правового регулирования приводит к необходимости закрепления новых процедур разрешения конфликтов в праве. Так, современное право активно развивает проблемы биоправа, включающие регламентацию соматических прав человека. Такие вопросы, как биоэтика, право на генетическое редактирование генома человека, право человека на смерть и др., приводят к необходимости использования отечественной наукой сравнительно-правового метода для эффективного разрешения юридических конфликтов. В отечественном и зарубежном праве последних 200 лет наблюдается устойчивая тенденция к расширению предмета правового регулирования. Наибольшее увеличение сферы действия правовых норм произошло с формированием социального государства. В связи с формированием новых отраслей права важнейшим вопросом юридической науки становится проблема легитимации конституционных принципов в процессе реформ. В настоящее время происходит не просто формирование новых массивов законодательства, но и конфликт старых и новых принципов права, сложившихся в различные эпохи. Классическая теория естественного права исходила из неизменного набора прав и свобод человека, так как рассматривала природу человека как неизменное явление. В современный период возникло значительное количество новых прав и свобод, которые затрагивают базовые ценности общества. В связи с этим существенное распространение получили процедуры, связанные с процедурой дискурса, обсуждения гражданами. Законодательство на современном этапе развития государства особенно нуждается в процедуре легитимации, т.е. социальном одобрении. Легитимация закона через случайно отобранных граждан является наиболее эффективным инструментом, так как сочетает лучшие элементы как представительной, так и прямой демократии. Демократический режим, при котором используют мнение случайно отобранных граждан, на-

зывается «демархия». Парламент как способ легитимации правовых актов считается менее эффективной процедурой по причине искажения мнений избирателя депутатами, на что указывал еще Ж.-Ж. Руссо. И хотя устройство публичной власти во многих демократических странах предусматривает наличие институтов непосредственной демократии (референдума, гражданской законодательной инициативы, отзыва выборных должностных лиц и пр.), «на практике данные институты реализуются настолько редко, что они не способны изменить устоявшийся фактически элитарный стиль правления, именуемый демократией». В условиях расширения предмета правового регулирования различные формы обсуждения гражданами законопроектов используются во многих странах при проведении конституционных реформ. В качестве примера можно привести использование «ассамблеи граждан» в Ирландии или Жюри граждан в Австралии. Принцип принятия решения данными органами схож с работой суда присяжных. В Австралии в состав *Citizens' Jury* отбираются 12–14 человек случайным образом (*random selection* – рассылка приглашений по базе данных) из типичных представителей разных слоев местного населения. В Австралии обычной практикой на этой стадии является обращение государственного органа-заказчика к специализированной некоммерческой организации/структуре для привлечения в качестве модератора делиберативного процесса, дизайн и планирование которого может занимать несколько месяцев (селективный отбор присяжных, круг ведения, справочные материалы, наблюдатели, авторитет рекомендаций жюри, смета и мониторинг). Затем выбранным «присяжным» предоставляется возможность в течение нескольких дней (обычно 2–4 дня) проводить дебаты и слушания по какому-либо сложному и важному вопросу местной политики, чтобы таким образом повлиять на принятие обоснованного решения государственными властями. На совместных слушаниях члены жюри опрашивают вызванных «свидетелей» – независимых экспертов и контент-консультантов, которые квалифицированно разбираются в проблеме. Также жюри может разбиваться на малые группы для закрытого обсуждения полученной информации, и каждый выдвигает свои доводы и убеждает остальных в своей позиции. На обсуждениях могут присутствовать наблюдатели при условии, что они придерживаются кодекса поведения [2, с. 100]. В конце процедуры проводится финальный день слушаний, по итогам которого «жюри граждан» совместно с модератором готовит отчет о своем решении проблемы и рекомендации местному правительству. К отчету может быть приложен обособленный «отчет меньшинства» жюри. Таким образом, опыт применения алеаторных процедур показывает, что эта форма делиберативной демократии может быть вполне успешной моделью для конституционных реформ в целом ряде государств, так как процесс обсуждения гражданами сложных вопросов позволяет прийти к консенсусу с органами власти, сделать управление более инклюзивным и легитимным, эффективно преодолевать проблемы, которые не может решить исполнительная власть в течение длительного времени. Важней составляющей делиберативной демократии остается расширяющийся авторитет гражданского общества и его институтов, оказывающих реальное воздействие на представительную и исполнительную власть при помощи процедур обсуждения, слушаний, дебатов. Таким образом, в условиях цифрового государства использование алеаторных процедур является важнейшим инструментом разрешения юридических конфликтов.

А. В. Зырянов посвятил свое выступление теме «Карибский кризис: понимание силы», указав, что действительной причиной размещения ядерного вооружения в Кубинской республике в 1962 г., безусловно, можно считать обоснованное желание СССР ответить на размещение американских ядерных ракет «Юпитер» в Турции и по всей Европе. Карибский кризис был типичным порождением холодной войны с ее жестким противоборством сторон и стремлением СССР и США занять господствующее положение в мире. В свете этого борьба за «третий мир» была борьбой за ограничение сферы влияния противника и тем самым ограничение его возможностей в глобальном противоборстве. В связи с этим любой локальный и тем более региональный конфликт быстро перерастал в глобальный. В соответствии с реальностями тех лет последний приобретал характер вооруженного противостояния. Итогами Карибского кризиса стало появление у стран понимания о необходимости урегулирования создания и поставок ядерного вооружения. Кризис стал пиковой точкой в истории противостояния США и СССР. Сверхдержавы осознали хрупкость сохранения мира и жизни всего человечества. Это стало толчком для принятия и подписания (ныне не действующих) как договоров об ограничении стратегического вооружения (ОСВ-1), так и договоров о необходимом снижении и ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ-1 и СНВ-2). В конечном счете попытка запугивания странами угрозой ядерной войны на определенный период перестала рассматриваться странами как первый этап в конфронтации между странами.

Стремление к созданию системы противоракетной обороны, которое с 1980-х гг. приобрело в США характер почти религиозного убеждения, также отчасти является отзвуком Карибского кризиса. В октябре 1962 г. Соединенные Штаты со всей отчетливостью почувствовали опасность ракетного удара по своей территории. Однако те дети, которых в 1960-е–1970-е гг. в школе учили прятаться под партами в случае советской атаки, сегодня составляют основу американской внешнеполитической элиты, фанатично продвигают идею расширения НАТО на восток... а новое поколение вновь учится прятаться под партами...

А. В. Логинов посвятил свое выступление теме «Стратегия и тактика ведения переговоров между сторонами в гражданском процессе (на примере разрешения земельного спора об исправлении реестровой ошибки)». В процессе реформы земельного законодательства и законодательства о регистрации недвижимости обозначился тренд на унификацию и слияние существовавших ранее отдельно реестров в единый информационный ресурс в форме Единого государственного реестра недвижимости (далее – ЕГРН). В процессе совершенствования правовой регламентации кадастровой деятельности и методик осуществления землеустройства в текущей деятельности кадастровых инженеров нередко возникали ошибки, связанные с определением координат характерных точек границ земельных участков и пр.

Законодатель выделяет два вида ошибок, возникающих в процессе учета объектов недвижимого имущества: техническая ошибка и реестровая ошибка (ст. 61 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости»). В случае, когда «исправление технической ошибки в записях и реестровой ошибки может причинить вред или нарушить законные интересы правообладателей или третьих лиц, которые полагались на соответствующие

записи, содержащиеся в ЕГРН, такое исправление производится только по решению суда» (ч. 4 ст. 61 Закона о регистрации).

Истцом по иску об исправлении реестровой ошибки может выступать собственник объекта недвижимости или иной правообладатель, а также орган регистрации прав либо заинтересованное лицо, имеющее охраняемый законом интерес. Ответчиками по данному иску могут выступать правообладатели смежных земельных участков, в сведениях ЕГРН которых допущена ошибка [3, с. 46].

А. О. Гусев справедливо отмечает, что «иск об исправлении реестровой ошибки в своем предмете и основании должен предусматривать (а) описание ошибки с обоснованием квалификации соответствующих внесенных в ЕГРН сведений как ошибочных, а также (б) указание, в чем состоит исправление такой ошибки (внесение каких именно корректных и достоверных сведений в ЕГРН потребуется по результатам судебного разбирательства)» [4, с. 100].

В целях быстрого и благоприятного разрешения спорной ситуации на данной стадии гражданского процесса очень важно поддержание конструктивного диалога между всеми участниками процесса. Учитывая зачастую имеющийся «накал страстей» между истцами и ответчиками по спору об исправлении реестровой ошибки, судье и сторонам следует придерживаться следующей стратегии и тактики ведения переговоров.

Во-первых, нужно четко обозначить тезис о том, что в большинстве подобных ситуаций ни истец, ни ответчики не виноваты в возникновении имеющейся в ЕГРН реестровой ошибки. Скорее здесь имеет место целый комплекс объективных и субъективных причин, способствующих возникновению реестровых ошибок. Так, к субъективным причинам следует отнести некачественное проведение землеустроительных работ вследствие халатного отношения к своим обязанностям кадастрового инженера. Например, чтобы ускорить процесс межевания земельных участков в границах СНТ, кадастровые инженеры, не выезжая на местность, нередко делают снимок с кадастровой карты и по нему начинают определять поворотные точки и границы отдельно взятых участков. Как следствие – нарушения процедуры межевания, границы отдельно взятых земельных участков по всему СНТ нередко смещаются в ту или иную сторону от фактически сложившихся на местности границ. В результате такого межевания мы получаем «эффект домино», когда все участки в границах СНТ одинаково смещаются в сторону от фактически закрепленных на местности границ. После передачи землеустроительной документации в Росреестр происходит фиксация ошибочных сведений в ЕГРН, и, как следствие, возникает реестровая ошибка.

Сам по себе «эффект домино» в СНТ свидетельствует о более сложной ситуации, которая говорит о потенциале предъявления множественных исков к соседям-смежникам со схожими исковыми требованиями. Как один из вариантов рассматривается проведение нового межевания участков всего СНТ. Следует признать, что последний вариант малореализуем в силу того, что, во-первых, не все члены СНТ будут согласны оплатить такие работы и, во-вторых, трудно представить себе ситуацию, что все члены СНТ будут согласны с новым проектом плана установления границ принадлежащих им земельных участков.

Объективной причиной возникновения таких ошибок, на наш взгляд, является недостаточно динамичное совершенствование методик проведения кадастровых

работ в условиях научно-технического процесса, т.е. в процессе применения новых знаний. Постоянное изменение вектора реформирования земельного законодательства приводит к возникновению технических и смысловых нестыковок между старыми и новыми нормами.

Во-вторых, следует убедить стороны в том, что поскольку реестровая ошибка не является результатом действий сторон, то нужно планомерно и спокойно искать конструктивный выход из сложившейся ситуации. Как вариант, до сторон следует донести позицию о том, что доведение дела до назначения судебной землеустроительной экспертизы контрпродуктивно как для ответчиков, так и для истцов, так как это ведет к затягиванию дела. Аргументом на этом этапе может явиться и то обстоятельство, что помимо затягивания рассмотрения искового заявления истец понесет расходы на проведение такой экспертизы, которые, в случае удовлетворения иска, перейдут на ответчиков. Поскольку исковые требования должны отвечать критерию исполнимости, «целесообразно, как один из вариантов, требовать исключения из ЕГРН сведений о границах земельных участков, в которых допущена ошибка, а также установления границ земельных участков по фактическому землепользованию исходя из местоположения границ такого земельного участка, существующих на местности пятнадцать лет и более. Последний факт, в частности, должен найти отражение в заключении кадастрового инженера (если экспертиза не проводилась) или заключении экспертов, сформированного по результатам судебной земельной экспертизы» [3, с. 47]. На этом этапе у ответчиков нередко возникают возражения, связанные с тем, что в результате удовлетворения иска и последующего исполнения Росреестром исковых требований об исключении из ЕГРН сведений о границах земельных участков, в которых допущена ошибка, данные сведения из ЕГРН будут исключены в отношении земельных участков как истцов, так и ответчиков. Причем если истцы, исключая сведения с ошибкой, могут в самом исковом заявлении заявить требование об установлении границ своих участков с координатами по фактическому землепользованию, то сведения о границах земельных участках ответчиков, смежных с земельными участками истцов, будут просто исключены из ЕГРН. Данное обстоятельство зачастую служит одним из аргументов, препятствующих признанию иска ответчиками. Возникает вопрос: как можно преодолеть такие вполне резонные возражения и убедить ответчиков признать иск? Как один из вариантов, можно предложить ответчикам, которые признают иск, после исключения координат их участков из ЕГРН, провести новое межевание за счет истцов. Однако такое будет возможно, если у ответчиков не будет спора по их границам с другими смежниками. В заключение следует отметить, что стратегия и тактика ведения переговоров между сторонами в процессе рассмотрения земельного спора об исправлении реестровой ошибки должны отвечать критериям гибкости и вариативности. Основная цель – не допустить эмоциональной эскалации сторон и затягивания спора.

Г. А. Прокопович обратилась к теме «Проблемы, возникающие при правоприменении в сфере конфликта интересов государственных и муниципальных служащих». Конфликт интересов – это юридический конфликт, поскольку он нормативно определен и имеет нормативно предусмотренный механизм разрешения. Это та ситуация, с которой может столкнуться и частный предприниматель, и сотрудник государственных (муниципальных) органов.

Предупреждать возникновение конфликта интересов необходимо еще на ранних стадиях его возникновения для того, чтобы не допустить появления негативных последствий в дальнейшем. Предусмотреть каждую из жизненных ситуаций представляется невозможным по причине их огромного количества. Поэтому вариант их детального регламентирования и регламентирования действий, необходимых для их решения, является нежизнеспособным. В особенности это касается сельской местности, поскольку, как правило, значительная часть ее жителей имеет родственные связи, общих друзей и знакомых, которые могут оказать влияние на объективное отношение к исполнению своих должностных обязанностей. Полагаем, что среди проблем предупреждения конфликта интересов на государственной и муниципальной службе выделяются такие, как отсутствие процедуры, по которой было бы возможным ограничить государственного или муниципального служащего от способных привести к возникновению конфликта личных интересов; отсутствие ясности того, как должна проходить процедура отказа от личной выгоды при возникновении конфликта интересов; отсутствие полного информирования о деятельности органов государственной власти, наличие которого позволило бы своевременно выявлять все случаи возможного возникновения конфликта интересов на государственной и муниципальной службе и др.

А. В. Скоробогатов и А. В. Краснов посвятили свое совместное выступление теме «Юридический конфликт как феномен правовой реальности». Они отметили, что социальная конфликтность, наряду с компромиссностью, составляет онтологическую основу возникновения и существования права и правовой реальности. Интересы участников общественных отношений достаточно разноректорны, что становится основой проявления конфликтов во всех сферах жизни общества. В этом плане право можно рассматривать как важнейший инструмент гармонизации общественной жизни.

Особенно остро конфликтотенность проявляется в транзитивных обществах. Транзитивность во многом подтачивает основания для гармоничного правового регулирования по той причине, что нормативы становятся размытыми, либо слишком часто претерпевают изменения, либо, наоборот, правила вовремя не совершенствуются, что приводит к потере в определенности, дезориентации субъектов в плане ожиданий, которые они связывают со вступлением в правовые отношения. Возникающие при этом противоречия могут касаться не только норм права, но и правовых ценностей [5, с. 26].

Юридический конфликт – это противоречие между субъектами в связи с реализацией, применением, нарушением или толкованием норм позитивного права, вызванное противоположностью социально-правовых интересов субъектов или их разным отношением к нормам права и ценностям общественной жизни. Эти различия, составляющие предмет юридического конфликта, могут возникать на гносеологическом уровне в связи с различным пониманием сущности нормы или ее применения; на онтологическом уровне из-за противоречий в реализации нормы, правовым поведением субъекта и правовым взаимодействием между несколькими субъектами; на аксиологическом уровне при различных ценностных ориентациях субъектов.

Для возникновения юридического конфликта необходимо, во-первых, наличие конфликтной ситуации, характеризующейся нарушением или препятствием в реализации субъектом своих законных интересов, во-вторых, осознание субъектами противоположности своих интересов и целей; в-третьих, вступление субъектов в активное противодействие друг другу. Разрешение юридического конфликта должно привести к достижению социального компромисса в правовом взаимодействии и способствовать гармонизации правовой реальности.

В. В. Трофимов и **В. Ю. Самородов** посвятили свое выступление теме «Сотворчество публичной власти и общества в области правотворческой деятельности как способ минимизации конфликтов в социально-правовой жизни»¹. Они отметили, что сотворчество общества и публичной власти в области правотворческой деятельности – это важный ресурс правовой деятельности, обеспечивающий принятие согласованных правотворческих решений, и, следовательно, открывающий путь к стабильному, упорядоченному, прогрессивному развитию социально-правовой жизни. Такая правотворческая практика соответствует, на взгляд докладчиков, высокому уровню правовой и правотворческой культуры. Сам по себе ресурс сотворчества в области создания позитивного права выступает как средство минимизации конфликтов и исключения предпосылок формирования конфликтогенной социально-правовой среды. Сотворчество является проявлением конструктивной коммуникации общества и публичной власти, нацеленной на сотрудничество в области принятия совместных правотворческих решений. В правотворческой деятельности данные процессы солидаризации социально-властных усилий особенно важны, так как от них во многом зависит последующая правоприменительная и правореализационная практика. Коммуникационные процессы между обществом и властью (в том числе посредством использования новых прогрессивных подходов и технологий (например, онлайн-формы)) обеспечивают правотворчество действенной общественно-правовой энергией (актуальные идеи, мнения, оперативные реакции на социальные и правовые изменения и т.д.). Именно общество дает ту обратную связь, с помощью которой можно судить о положительном или отрицательном эффекте той или иной государственно-правовой деятельности. Напротив, отсутствие связи с обществом и общественными институтами могут породить создание норм права, не имеющих социального основания, не базирующихся на общественной социальной среде, а значит, не способных предупредить или минимизировать возможные конфликты, которые возникают тогда, когда сталкиваются интересы разных социальных субъектов, а надлежащих моделей разрешения конфликтов не создано, или они не учитывают принципы паритетности и баланс интересов сторон коммуникации. Некачественное с этой точки зрения позитивное право в некоторых случаях может увеличивать юридические конфликтогенные настроения в обществе (усиление нигилистических правовых настроений и др.), порождать дополнительные конфликты. Многочисленные формы (референдум, публичные слушания, краудсорсинг (привлечение к решению проблем широкого круга лиц с использованием современных телекоммуникационных технологий), общественное обсуждение проектов нормативных правовых актов и др.) коммуникативного право-сотворчества, предполагающие активное участие об-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00271.

щества в правотворческом процессе, являются действенным инструментом выравнивания и стабилизации курса государственно-правового развития и в то же время способом минимизации конфликтов в социально-правовой жизни.

Т. В. Худойкина посвятила свое выступление теме «Юридическая конфликтология как научное направление». Она отметила, что выделение и формирование юридической конфликтологии как специального направления в науке является важным для подготовки нового поколения юристов, способных ориентироваться на компромиссное, оперативное разрешение конфликтов в правовой сфере. В целом сделаны значительные шаги в развитии юридической конфликтологии в нашей стране. Учеными разрабатывается понятийный аппарат, определяются причины, структура, функции, типы, динамика юридического конфликта, способы его предупреждения и разрешения. Но можно констатировать, что данное самостоятельное научное направление пока остается на стадии концептуального оформления, нет единого подхода к его определению.

В первой отечественной монографии, вышедшей под редакцией академика В. Н. Кудрявцева, юридическая конфликтология рассматривается в качестве раздела общей конфликтологии [6, с. 4]. Общая конфликтология в современный период, как показывает обзор зарубежных и отечественных научных источников, в большей степени формируется по трем основным направлениям: 1) общая конфликтология (разрабатывает концептуальные подходы к конфликтной проблематике); 2) отраслевая конфликтология (исследует конфликты, возникающие в различных сферах); 3) прикладная конфликтология (разрабатывает различные программы, технологии и др.). Конфликтологию называют, например, комплексной междотраслевой наукой [7, с. 16] либо говорят о ее междисциплинарности [8, с. 138] и др. Мы считаем, что правильнее относить юридическую конфликтологию не к разделу общей конфликтологии, а к системе правовых наук.

Пока остается нерешенным вопрос о характере и месте юридической конфликтологии в системе правовых дисциплин. Она не является чисто прикладным направлением, ибо вырабатывает общетеоретические исходные положения. Профессор Р. А. Ромашов предлагает ее рассматривать в единстве историко-теоретического, отраслевого и прикладного аспектов [7, с. 212]. Юридический конфликт исследуется в качестве сложной структуры, как в статике, так и в динамике, во взаимосвязи с другими социальными явлениями, с выявлением различных способов и средств, целесообразных для управления конфликтом, его разрешения, предупреждения и прогнозирования. Можно констатировать, что юридическая конфликтология обладает комплексным характером. Она по своей природе имеет также междисциплинарный характер, формируется на базе общеконфликтологических, правовых, психологических, социологических знаний. В итоге следует определить, что юридическую конфликтологию по своей форме необходимо рассматривать в качестве комплексного междисциплинарного научного направления.

Юридическую конфликтологию по своему содержанию правильнее определять как теоретико-прикладное научное направление, включающее в свою структуру минимум два уровня знаний. Первый уровень – это теоретические знания (сюда входят научные концепции, теоретические объяснения сущности и природы юридического конфликта, его специфических свойств и характеристик, функ-

ционального назначения, типологизации, структурного построения, динамики, закономерностей развития, взаимосвязи с другими явлениями и процессами и т.п.). Теоретические знания, полученные научными методами, должны способствовать серьезному развитию прикладного уровня. Второй уровень – прикладной (технологическо-практический), состоящий из двух подуровней: технологического и практического. Технологический уровень представляют технологии управления конфликтами, их урегулирования, разрешения, предупреждения и т.д. На практическом уровне осуществляется применение разработанных технологий в ходе реального воздействия на конфликтные ситуации.

Научное направление, претендующее на самостоятельность, имеет свой объект и собственный предмет. Если объект может изучаться многими науками, то предмет их всегда различен. Именно предмет определяет право на существование науки, ее самостоятельность.

Объект науки – это то, на что направлено исследование (изучение). В целом объектом юридической конфликтологии является юридический конфликт, но в разногласиях и противоборствах, могут переплетаться иные (неправовые) отношения, например, межнациональные, политические, корпоративные, религиозные и др. (смешанный характер). Также в конфликте наряду с правовыми структурными элементами могут быть и неправовые элементы (квазигиридрический характер противоборства). Поэтому объектом юридической конфликтологии помимо собственно гиридрического конфликта могут быть его смешанные и переходные (гиридризированные) формы.

Предмет науки (научного направления) представляет собой круг основных вопросов, которые она изучает, те свойства, стороны объекта, которые исследуются, познаются. Любая наука имеет дело прежде всего с закономерностями. Под предметом гиридрической конфликтологии как научного направления следует понимать закономерности возникновения, развития, завершения гиридрического конфликта, способы его конструктивного разрешения и предупреждения.

Итак, хотя и проводятся в российской гиридрической науке отдельные исследования по гиридрико-конфликтологической проблематике, тем не менее единого подхода к определению гиридрической конфликтологии в качестве самостоятельного научного направления не существует. Данная проблематика должна исследоваться как с общегиридрикологическими, так и с правовых, психологических, социологических позиций. Гиридрическая конфликтология как научное направление, по нашему мнению, обладает комплексным и междисциплинарным характером, она является теоретико-прикладной научной дисциплиной, включающей два уровня знаний: теоретический и прикладной (технологическо-практический). Усилия современных ученых должны быть направлены как на осмысление объекта и предмета гиридрической конфликтологии, определение ее места в системе правовых наук, выявление сущности гиридрического конфликта, его содержательных признаков, роли в системе гиридрически значимых отношений, так и на разработку различных технологий управления конфликтами, их разрешения и предупреждения.

Г. Б. Романовский в своем выступлении обратился к проблемам, возникающим в результате широкого распространения репродуктивных технологий. Все они касаются весьма чувствительной сферы – сексуальности человека и воспроизводства.

В этой части медицинские инновации достигли такого уровня, когда участие человека в появлении на свет (в его естественном понимании) может минимизироваться. Процесс от зарождения до отделения плода от чрева матери подменяется специальными манипуляциями. Научный прогресс сопровождался появлением новой категории – репродуктивные права человека, активно продвигаемой на международном уровне. Этому способствуют такие документы, как Программа действий, принятая на Международной конференции по проблемам народонаселения и развития в Каире в 1994 г. В этом же русле – Платформа действий, принятая в Пекине в 1995 г. Именно от них отталкиваются многие национальные документы, легализуя репродуктивные технологии. Необходимо отметить, что в них указывается на репродуктивное здоровье как ценность, нуждающееся в особой защите. Репродуктивные права человека прямо не провозглашаются. С учетом того, что указанные документы приняты на международных конференциях, конвенциями не являются, их влияние на национальные правовые системы во многом переоценено. Каждое государство самостоятельно выбирает формы и методы защиты репродуктивного здоровья.

В Российской Федерации правовое регулирование репродуктивных технологий осуществляется ст. 55 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Особо отметим, что данным Законом не предусматриваются репродуктивные права. Законодатель не пошел по пути закрепления отраслевых субъективных прав человека. В то же время в российской юридической науке высказывались мнения о появлении новой категории. Так, О. А. Хазова проводила даже определенную дифференциацию, выделяя различный круг правомочий [9, с. 16].

Авторское видение строится на недопущении спекуляций вокруг такого базового понятия, как «права человека», к которым репродуктивные права относить пока не оснований. Российская модель, при которой законодательство регулирует вспомогательные репродуктивные технологии (а не обеспечивает базовые права человека «четвертого» или «пятого» поколения, к которым пытаются отнести репродуктивные права), наиболее удачна. К тому же она соответствует общему вектору развития права в большинстве стран мира. Отметим дополнительно, что принятие специальных федеральных законов характерно для стран постсоветского мира (как, например, Закон Республики Армения от 26 декабря 2002 г. № ЗР-474 «О репродуктивном здоровье и репродуктивных правах человека»). При регулировании вспомогательных репродуктивных технологий основной акцент переносится на права и обязанности медицинских организаций и медицинских работников, а уже опосредованно тем самым обеспечиваются основные права человека (которые носят традиционный характер, имеют свое закрепление в Конституции России). Часть регуляторной нагрузки переносится на подзаконные акты, где основным выступает приказ Минздрава России от 31 июля 2020 г. № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению».

Анализ нормативного материала показывает, что даже при таком подходе возникает определенный потенциал для возникновения юридических конфликтов. Ярким примером может служить ситуация с суррогатным материнством. Сама репродуктивная программа изначально отмечалась как имеющая потенциальные риски из-

за наличия общих черт с торговлей людьми, уголовная ответственность за которую предусмотрена ст. 127.1 Уголовного кодекса РФ. Апофеоз проблематики проявился в период карантинных ограничений, введенных в 2020 г. из-за распространения коронавирусной инфекции. Запрет на пересечение государственной границы выявил зарубежные «заказы» на суррогатное материнство, в которых лидерство принадлежало гражданам Китайской Народной Республики. Обратим внимание, что в российской научной литературе неоднократно предлагалось введение ограничений для иностранных граждан в вопросах доступа к репродуктивным технологиям. К тому же излишняя коммерциализация суррогатного материнства нивелировала первоначальный запрос на преодоление бесплодия (где первопричина носила личностный характер, а сама программа рассматривалась как альтруистическая помощь при поддержке медицинских работников). Масштаб оказания услуг показал, что основная задача медицинской организации заключалась в получении максимальной прибыли. Это нельзя отрицать для коммерческой деятельности. Более того, репродуктивные технологии стали существенным элементом современной биоэкономики [10, с. 321]. Но это не должно быть основным предназначением для осуществления медицинской деятельности, связанной с репродукцией.

Коллизии в законодательстве привели к уголовному преследованию значительного числа врачей из ООО «Европейский центр суррогатного материнства». В ноябре 2023 г. был оглашен обвинительный приговор, подсудимые получили максимальные сроки лишения свободы. В настоящее время рассматриваются апелляционные жалобы. Кроме того, благодаря медийному освещению всего происходящего произошло внесение изменений в Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»: были введены ограничения на участие в суррогатном материнстве для иностранных граждан, а также мужчины и женщины, не состоящих в браке. Кстати, подобные законодательные запреты характерны для подавляющего большинства стран.

Следует подчеркнуть, что при общем отстаивании традиционных ценностей (что получило также и конституционное закрепление в соответствии с реформой 2020 г.) законодательство, определяющее правовой режим вспомогательных репродуктивных технологий, отличается максимальным либерализмом. В 2008 г. приняты Основы социальной концепции Русской Православной Церкви, в которых сформулировано общее отношение ко многим медицинским инновациям. В то же время следует согласиться с О. В. Романовской, что по многим актуальным вопросам необходимо вырабатывать оперативный отклик, который мог бы определяться постоянно действующим органом по вопросам биоэтики, созданным при Русской Православной Церкви [11, с. 16]. Эта практика соответствует традициям, принятым во многих странах мира.

Для минимизации конфликтного потенциала вспомогательных репродуктивных технологий в законодательство в сфере здравоохранения необходимо внести соответствующие дополнения и изменения, а именно определить правовой режим преимплантационной генодиагностики; ограничить временными рамками возможность посмертной инсеминации; исключить понятие договора о суррогатном материнстве (установив судебный порядок разрешения на проведение программы); закрепить ограничения на передачу эмбрионов.

Пристатейный библиографический список

1. Юридическая конфликтология: ее место в системе юридического образования, проблемы и перспективы преподавания // Электронный журнал «Мудрый Юрист» : сайт. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/26650-yuridicheskaya-konfliktologiya> (дата обращения: 15.01.2024).
2. Денисенко В. В., Трикоз Е. Н. Делиберативность и алеаторные процедуры как легитимация соматических прав человека: опыт Республики Ирландия и Австралийского Союза // Государство и право. 2023. № 1.
3. Логинов А. В. Институт исправления реестровых ошибок в российском земельном праве // Актуальные проблемы российского частного права : материалы VI науч.-практ. конф. Саранск : ЮрЭксПрактик, 2021.
4. Гусев А. О. О некоторых особенностях судебных споров об исправлении реестровых ошибок // Арбитражные споры. 2020. № 1.
5. Shah P. Legal Pluralism in Conflict: Coping with Cultural Diversity in Law. London : Cavendish, Glasshouse, 2005.
6. Юридическая конфликтология / отв. ред. В. Н. Кудрявцев. М. : Центр конфликтологических исследований РАН, 1995.
7. Ромашов Р. А. Юридическая конфликтология : учебник. М. : КНОРУС, 2021.
8. Алейников А. В., Стребков А. И. Междисциплинарность как методологический базис анализа феномена конфликта и образовательной программы «Конфликтология» // Интеграция образования. 2017. Т. 21. № 1.
9. Хазова О. А. Репродуктивные права в России: пределы законодательного регулирования // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2000. № 4.
10. Экономическое право : учебник / под науч. ред. Н. С. Бондаря. М. : Проспект, 2021.
11. Романовская О. В. Светское государство и Русская Православная Церковь // Гражданин и право. 2013. № 5.

References

1. Legal Conflictology: Its Place in the System of Legal Education, Problems and Prospects for Teaching. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/26650-yuridicheskaya-konfliktologiya> (date of the application: 15.01.2024). (In Russ.)
2. Denisenko V. V., Trikoz E. N. Deliberativeness and Aleatory Procedures as Legitimation of Somatic Human Rights: The Experience of the Republic of Ireland and the Commonwealth of Australia. *State and Law*, 2023, no. 1. (In Russ.)
3. Loginov A. V. Institute for Correcting Registry Errors in Russian Land Law. In Current Problems of Russian Private Law: Materials of the VI Scientific and Practical Conference. Saransk: IurEksPraktik, 2021. (In Russ.)
4. Gusev A. O. On Some Features of Litigation Regarding the Correction of Registry Errors. *Arbitration Disputes*, 2020, no. 1. (In Russ.)
5. Shah P. Legal Pluralism in Conflict: Coping with Cultural Diversity in Law. London: Cavendish; Glasshouse, 2005.

6. Kudriavtsev V. N. (ed.). Legal Conflictology. Moscow: Center for Conflict Studies of the Russian Academy of Sciences, 1995. (In Russ.)
7. Romashov R. A. Legal Conflictology: Textbook. Moscow: KNORUS, 2021. (In Russ.)
8. Aleinikov A. V., Strebkov A. I. Interdisciplinarity as a Methodological Basis for Analyzing the Phenomenon of Conflict and the Educational Program "Conflictology". *Integration of Education*, 2017, vol. 21, no. 1. (In Russ.)
9. Khazova O. A. Reproductive Rights in Russia: The Limits of Legislative Regulation. *Constitutional Law: Eastern European Review*, 2000, no. 4. (In Russ.)
10. Bondar N. S. (ed.). Economic Law: Textbook. Moscow: Prospekt, 2021. (In Russ.)
11. Romanovskaia O. V. The Secular State and the Russian Orthodox Church. *Citizen and Law*, 2013, no. 5. (In Russ.)

Сведения об авторах:

А. В. Аверин – доктор юридических наук, профессор.
В. В. Денисенко – доктор юридических наук.
А. В. Зырянов – доктор юридических наук.
А. В. Краснов – кандидат юридических наук.
А. В. Логинов – доктор политических наук.
Г. А. Прокопович – доктор юридических наук, профессор.
Г. Б. Романовский – доктор юридических наук, профессор.
В. Ю. Самородов – кандидат юридических наук.
А. В. Скоробогатов – доктор юридических наук.
В. В. Трофимов – доктор юридических наук, доцент.
Т. В. Худойкина – доктор юридических наук, профессор.

Information about the authors:

A. V. Averin – Doctor of Law, Professor.
V. V. Denisenko – Doctor of Law.
A. V. Zyryanov – Doctor of Law.
A. V. Krasnov – PhD in Law.
A. V. Loginov – Doctor of Political Sciences.
G. A. Prokopovich – Doctor of Law, Professor.
G. B. Romanovsky – Doctor of Law, Professor.
V. Yu. Samorodov – PhD in Law.
A. V. Skorobogatov – Doctor of Law.
V. V. Trofimov – Doctor of Law, Associate Professor.
T. V. Khudoikina – Doctor of Law, Professor.

Статья поступила в редакцию 03.06.2024; одобрена после рецензирования 03.07.2024; принята к публикации 26.08.2024.

The article was submitted to the editorial office 03.06.2024; approved after reviewing 03.07.2024; accepted for publication 26.08.2024.